

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.15>

UDC 342.76

LBC 67.400.32

Submitted: 22.04.2025

Accepted: 04.07.2025

FOREIGN EXPERIENCE OF THE LEGAL REGULATION OF CONSTITUTIONAL RESTRICTIONS ON THE RIGHTS AND FREEDOMS OF PERSONS WITH SPECIAL LEGAL STATUS AND THE ISSUES OF ITS ACTUALIZATION IN RUSSIA (THROUGH THE EXAMPLE OF THE BRICS COUNTRIES)

Igor B. Grigoriev

Volgograd Regional Court, Volgograd, Russian Federation;

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the issues of comparative legal characteristics of restrictions on the constitutional rights and freedoms of special legal entities are characterized by fragmentary coverage in both domestic and foreign jurisprudence. At the same time, an appeal to the relevant aspects of the legislation and practice of foreign BRICS countries is of considerable interest due to the deficit of scientific knowledge, due to the diversity of approaches to legal restrictions in various legal systems, and also taking into account the development of international integration processes with the participation of the Russian Federation. **Methods:** the methodological basis of the study is represented by general scientific, dialectical, formal-legal, historical and comparative-legal, logical-syntactic, and semantic methods, as well as methods of forecasting, synthesis, and analysis. **Results:** the study identified common features and main characteristics of various national models of restrictions on the constitutional rights and freedoms of persons endowed with special legal status in the BRICS countries (using the example of Brazil, India, Indonesia, the People's Republic of China, the United Arab Emirates, and the Republic of South Africa). The author paid particular attention to the constitutional formulations of the grounds and criteria for the legal restrictions under study, as well as their comparison with the Russian model of constitutional and legal regulation. Based on the results of the study, the author draws **conclusions** regarding the possibility of updating relevant international experience in the context of improving Russian legislation and law enforcement practice in this area. Of particular interest was the South African model of constitutional regulation of the relevant legal restrictions, which presupposes a highly differentiated, two-tiered structure: principles and factors (criteria). The concept of "constitutional narratives" for restrictions on rights and freedoms, developed in contemporary Russian legal doctrine, can serve as a substantive reference.

Key words: human rights and freedoms, restrictions on rights and freedoms, principles of restriction on rights and freedoms, limits of restriction on rights and freedoms, special legal status, BRICS countries.

Citation. Grigoriev I.B. Foreign Experience of the Legal Regulation of Constitutional Restrictions on the Rights and Freedoms of Persons with Special Legal Status and the Issues of its Actualization in Russia (Through the Example of the BRICS Countries). *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 118-123. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.15>

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ ПРАВ И СВОБОД ЛИЦ, НАДЕЛЕННЫХ СПЕЦИАЛЬНЫМ ПРАВОВЫМ СТАТУСОМ, И ВОПРОСЫ ЕГО АКТУАЛИЗАЦИИ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ СТРАН БРИКС)

Игорь Борисович Григорьев

Волгоградский областной суд, г. Волгоград, Российская Федерация;
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: вопросы сравнительно-правовой характеристики ограничений конституционных прав и свобод специальных субъектов права отличаются фрагментарным освещением как в отечественной, так и в зарубежной юриспруденции. При этом обращение к соответствующим аспектам законодательства и практики зарубежных стран БРИКС представляет значительный интерес вследствие дефицита научного знания, в силу разнообразия подходов к правоограничению в различных правовых системах, а также с учетом развития международных интеграционных процессов с участием Российской Федерации. **Методы:** методологическая основа исследования представлена: общенаучным диалектическим, формально-юридическим, историко- и сравнительно-правовым, логико-синтаксическим, семантическим, а также методами прогнозирования, синтеза и анализа. **Результаты:** в исследовании выявлены общие черты и основные особенности различных национальных моделей ограничений конституционных прав и свобод лиц, наделенных специальным правовым статусом, в странах БРИКС (на примере Бразилии, Индии, Индонезии, Китайской Народной Республики, Объединенных Арабских Эмиратов, Южно-Африканской Республики). Автор уделит особое внимание конституционным формулировкам оснований и критериев изучаемых правоограничений, а также их сопоставлению с российской моделью конституционно-правового регулирования. По итогам работы автором формулируются **выводы** относительно возможности актуализации соответствующего зарубежного опыта в контексте совершенствования российского законодательства и правоприменительной практики в рассматриваемой сфере. При этом особый интерес вызвала южноафриканская модель конституционного регулирования соответствующих правоограничений, предполагающая наиболее подробно дифференцированную двухуровневую конструкцию: принципы – факторы (критерии), содержательно соотносимым с которой может выступать развиваемый в современной отечественной правовой доктрине концепт «конституционных нарративов» ограничений прав и свобод.

Ключевые слова: права и свободы человека, ограничения прав и свобод, принципы ограничения прав и свобод, пределы ограничения прав и свобод, специальный правовой статус, страны БРИКС.

Цитирование. Григорьев И. Б. Зарубежный опыт правового регулирования конституционных ограничений прав и свобод лиц, наделенных специальным правовым статусом, и вопросы его актуализации в России (на примере стран БРИКС) // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 118–123. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.15>

Введение

Ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина неизменно представляет предмет дискуссий как научного, так и практического характера. Совершенствование соответствующих нормативных конструкций и правоприменительных механизмов в современных реалиях выступает одним из императивов правовой политики большинства государств. В свою очередь, проблематика ограничений, установленных

для специальных субъектов права, опосредована не только их более строгим характером, но и задействованием усложненной системы не вполне систематизированных критериев, апробация которых призвана способствовать оптимизации гарантий прав и свобод в целом.

Безусловно, для выработки более целостного комплекса решений указанных выше проблем исключительно важен анализ положительного зарубежного опыта. В данном разрезе в последние десятилетия для нашей

страны была характерна ориентация преимущественно на практику европейских стран и международных организаций (прежде всего Совета Европы, в деятельности которого Россия участвовала с 1996 по 2022 г.). При этом на периферии внимания остается ряд особенностей правоограничений, сложившихся в законодательстве зарубежных государств БРИКС, сотрудничество с которыми выступает одним из наиболее значимых направлений внешней политики нашей страны, в том числе развивавшееся и по линии защиты прав и свобод человека. Особый интерес в данном контексте представляет принадлежность стран-членов (в настоящее время – 10) и партнеров (12) указанной организации к различным правовым системам. В этой связи в настоящем исследовании акцентируется внимание на ключевых аспектах соответствующих правоограничений, характерных для ряда стран БРИКС, а также изучении возможностей актуализации данного опыта.

Общая характеристика конституционных моделей ограничений прав и свобод человека и гражданина в странах БРИКС

В сравнительно-правовых исследованиях традиционно указывается на наличие в мировой практике конституционализма нескольких подходов к моделированию рассматриваемых правоограничений, различающихся с технико-юридической и содержательной точек зрения. Применительно к странам БРИКС они могут выражаться в следующем:

- абстрактная оговорка об основаниях правоограничений (для стран БРИКС не характерна) / отсутствие положений в конституционном тексте (в частности, может подразумеваться отсылка к законодательному регулированию – Конституция Индонезии [4], наиболее содержательно-лаконичная из приводимых);

- указание соответствующих оснований (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ [7]) / коррелирующих таковым пределов реализации прав и свобод (ст. 51 Конституции КНР [5]);

- формулирование ограничений применительно к конкретным правам и свободам (конституции Бразилии [2] и ОАЭ [6]);

- выработка критериев правоограничений (ст. 36 Конституции ЮАР [8]).

Безусловно, в чистом виде перечисленные подходы наблюдаются далеко не всегда – например, комплексное (и достаточно сложное в технико-юридическом смысле) решение данной проблемы наблюдается в Конституции Индии [3], где предусматриваются как общие основания правоограничений применительно к отдельным группам прав различной природы (ст. 19), так и ряд ограничений конкретных прав, в том числе посредством оговорок и комментариев; в бразильской Конституции указывается на ограничения либо пределы конкретных прав (ст. 5).

Наиболее интересной в русле исследуемых зарубежных практик видится южноафриканская модель правового регулирования, отличающаяся внесением в конституционный текст Билля о правах, включающего специальную статью 36 об общих основаниях и специальных критериях правоограничений [8]. В то же время далеко не всегда уместно говорить только о «прямых» ограничениях конституционных прав, важно принимать в расчет также и косвенные (как правило, предполагающие отсылку к закону, либо простые или квалифицированные оговорки), а равно регулирование посредством «умолчания» (например, на это обращается особое внимание в бразильской конституционно-правовой доктрине).

Ограничения конституционных прав и свобод специальных субъектов права в странах БРИКС

Рассмотренные подходы к ограничению конституционных прав и свобод человека и гражданина в различной мере соотносятся с субъектной спецификой. В сравнительно-правовых исследованиях правоограничений для специальных субъектов отмечается, что они состоят в изъятиях правомочий, не затрагивающих внутренние аспекты последних; распространяются на лиц, выполняющих публичные функции; основаны на согласии осуществлять профессиональную деятельность; связаны со сроками последней; правомерность обусловлена приоритетом публичных интересов; влияют и на специальный, и на общий правовой статус [1, с. 151]. С учетом изложенного в вышеуказанных зарубежных кон-

ституциях прежде всего представляется возможным выделить основания правоограничений (либо пределы реализации прав), в определенной мере «совместимые» со статусом специальных субъектов права. Так, в ст. 51 Конституции КНР речь идет об «интересах государства, общества и коллектива» (китайская Конституция примечательна и указанием на такие обязанности, как «хранить государственную тайну, защищать государственную собственность, соблюдать рабочую дисциплину» – ст. 53) [5]; в п. 6 ст. 19 Конституции Индии – о квалификационных требованиях [3]. Наконец, некоторые правоограничения непосредственно предусматриваются применительно к тем или иным специальным субъектам в аспекте реализации конкретных прав (например, судьи и прокуроры в Бразилии, члены правительства и депутаты в ОАЭ и т. д.). Систематизации такого рода ограничений в конституционных текстах не наблюдается; равным образом для большинства анализируемых конституций не характерно наличие общих норм о правах и свободах, не подлежащих ограничениям априори.

В то же время сложность формулирования исследуемых специальных ограничений, не систематизированных ни в российской, ни в зарубежных конституциях, в значительной мере опосредована как многообразием соответствующих специальных субъектов и ситуаций реализации ими тех или иных прав и свобод, так и проблематикой соотношения общих и частных оснований ограничений, а также задействованием содержательно-близких юридических конструкций: ограничения – условия реализации – пределы осуществления (защиты) прав [9, с. 10]. Данные обстоятельства, а также «жесткий» характер соответствующих конституционных положений, предполагающий сложность их непосредственного изменения, предопределяют значимость для юридической практики более конкретизированных критериев правоограничений.

Доктрина «ограничения ограничений»: конституционно-правовые критерии (на примере ЮАР)

С учетом специфики статуса отдельных субъектов права исключительно значимой видится разработка критериальной базы рас-

сматриваемых правоограничений. В данном отношении особый подход среди стран БРИКС наблюдается в Конституции ЮАР, что связано с так называемой доктриной «ограничения ограничений» («limits of limits»), сложившейся в ряде государств системы общего права (но не только в ее контуре) [12, с. 35]. Стоит оговориться, что это не предполагает «программного» характера конституционного регулирования прав; так, основные направления критики Конституции ЮАР сопряжены со сравнительной фрагментарностью положений о социально-экономических правах и свободах [13].

Согласно ст. 36 названной Конституции, права человека могут быть ограничены «...в пределах, в которых такое ограничение является разумным и справедливым в открытом и демократическом обществе, основанном на человеческом достоинстве, равенстве и свободе, с учетом действия всех соответствующих факторов, включая: (а) природу права; (б) важность цели ограничения; (с) природу и пределы ограничения; (d) отношение между ограничением и его целью; (е) наименее ограничивающие средства для достижения цели» [8].

Таким образом, представляется возможным говорить о своего рода двух уровнях формализации правоограничений: с точки зрения как принципов права, так и критериев применения каждого из них. Тем самым создается необходимый базис для более дифференцированного правоприменения с учетом в том числе и субъектной специфики конкретных правоотношений; кроме того, интегральной для практики при оценке соотношения соответствующих критериев, иерархия которых нормативно не выстраивается, выступает категория «баланса» [13, р. 209]. В свою очередь, также создаются предпосылки и для «конституциализации» законодательства, развивающегося в направлении соответствия (совместимости) с «понятийной сеткой» конституционных положений, проблематика обеспечения которых в последние годы затронула и «обычных» субъектов права [10]. При отсутствии аналога в российском конституционно-правовом регулировании следует отметить, что в современной отечественной правовой доктрине подобному пониманию близок концепт так называемых конституционных нарративов пра-

воограничений, предполагающий системную увязку их принципов, целей и способов с конституционными ценностями [11, с. 17].

Выводы

Правовые системы стран БРИКС характеризуются значительным разнообразием подходов к регламентации ограничений конституционных прав и свобод (как общих, так и применительно к специальным субъектам), отличающихся по ряду формальных и содержательных признаков (в целом наибольшей абстрактностью характеризуются положения Конституции Индонезии, программным характером – Конституция Индии). Используемые конституционные формулировки предполагают ограничения различных типов: прямые, косвенные (отсылка к закону / простые или квалифицированные оговорки), регулирование посредством «умолчания»; кроме того, в различных сочетаниях задействуются содержательно-близкие конструкции: ограничения – условия реализации – пределы осуществления (защиты) прав. При этом не усматривается аналогии с моделью, используемой в Конституции РФ, – формулированием общих оснований ограничений прав и свобод (в данном аспекте наиболее сопоставимые практики предполагают либо акцент на конструкции общих пределов реализации прав (КНР), либо комбинирование общих ограничений для всех прав со специальными – для конкретных прав и их носителей (Бразилия, Индия)).

Особый интерес в контексте возможной актуализации в России, как представляется, имеет южноафриканская модель конституционного регулирования соответствующих правоограничений, предполагающая наиболее подробно дифференцированную двухуровневую конструкцию: принципы – факторы (критерии), содержательно соотносимым с которой может выступать развиваемый в современной отечественной правовой доктрине концепт «конституционных нарративов» ограничений прав и свобод.

В этой связи, думается, было бы плодотворным дальнейшее исследование приведенных факторов (критериев) как возможных ориентиров для правоприменительной практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Казимирская, Ю. В. Конституционно-правовые основы ограничения личных (гражданских) прав и свобод человека и гражданина в России и зарубежных странах : дис. ... канд. юрид. наук / Казимирская Юлия Викторовна. – М., 2016. – 228 с.
2. Конституция Бразилии. – URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=563>
3. Конституция Индии. – URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=28>
4. Конституция Индонезии. – URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=29>
5. Конституция КНР. – URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=31>
6. Конституция ОАЭ. – URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=89>
7. Конституция Российской Федерации : (принята всенар. голосованием 12.12.1993 ; с изм., одоб. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 2020. – № 144.
8. Конституция ЮАР. – URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=78>
9. Лисов, В. В. Ограничения конституционных прав граждан, связанные с поступлением на государственную гражданскую службу Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / Лисов Валерий Валерьевич. – Саратов, 2014. – 197 с.
10. Пожарова, Л. А. Государство и права человека: проблемы ограничений в условиях пандемии / Л. А. Пожарова, Н. А. Косолапова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 3. – С. 41–46. – DOI: 10.15688/1c.jvolsu.2020.3.5
11. Умнова-Конюхова, И. А. Конституционные нарративы ограничения прав и свобод человека и их судебное применение в целях реализации ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации / И. А. Умнова-Конюхова // Московский юридический журнал. – 2020. – № 4. – С. 10–22. – DOI: 10.18384/2310-6794-2020-4-10-22
12. Участие общественности в управлении государством в странах БРИКС : монография / Д. А. Авдеев [и др.]. – Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2019. – 288 с.
13. Amankwah, A. H. Constitutions and Bills of Rights in Third World Nations: Issues of Form and Content / A. H. Amankwah // The Comparative and International Law Journal of Southern Africa. – 1988. – Vol. 21, no. 2. – P. 190–211.

REFERENCES

1. Kazimirskaia Ju.V. *Konstitucionno-pravovye osnovy ogranichenija lichnyh (grazhdanskih) prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossii i*

zarubezhnyh stranah: dis. ... kand. jurid. nauk [Constitutional and Legal Basis for Limiting Personal (Civil) Rights and Freedoms of a Person and Citizen in Russia and Foreign Countries. Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2016. 228 p.

2. *Konstitucija Brazilii* [Constitution of Brazil]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=563>

3. *Konstitucija Indii* [Constitution of India]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=28>

4. *Konstitucija Indonezii* [Constitution of Indonesia]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=29>

5. *Konstitucija KNR* [Constitution of the PRC]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=31>

6. *Konstitucija OAE* [Constitution of the UAE]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=89>

7. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: (prinyata vsenar. golosovaniyem 12.12.1993; s izm., odobr. v khode obshcheros. golosovaniya 01.07.2020)* [Constitution of the Russian Federation. (Adopted by Popular Vote on 12.12.1993 with Amendments Approved During the All-Russian Vote on 01.07.2020)]. *Rossiyskaya gazeta*, 2020, no. 144.

8. *Konstitucija JuAR* [Constitution of South Africa]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=78>

9. Lisov V.V. *Ogranicheniya konstitucionnykh prav grazhdan, svyazannye s postupleniem na gosudarstvennuyu grazhdanskuyu sluzhbu Rossijskoj Federatsii: dis. ... kand. jurid. nauk* [Restrictions on the Constitutional Rights of Citizens Related to

Admission to the State Civil Service of the Russian Federation. Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2014. 197 p.

10. Pozharova L.A., Kosolapova N.A. *Gosudarstvo i prava cheloveka: problemy ogranichenij v usloviyah pandemii* [The State and Human Rights: The Problems of Restrictions in the Pandemic]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2020, vol. 19, no. 3, pp. 41-46. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.3.5>

11. Umnova-Konjuhova I.A. *Konstitucionnye narrativy ogranicheniya prav i svobod cheloveka i ih sudebnoe primenenie v celjah realizatsii ch. 3 st. 55 Konstitucii Rossijskoj Federatsii* [Constitutional Narratives of Restrictions on Human Rights and Freedoms and their Judicial Application for the Purpose of Implementing Part 3 of Article 55 of the Constitution of the Russian Federation]. *Moskovskij juridicheskij zhurnal* [Moscow Law Journal], 2020, no. 4, pp. 10-22. DOI: 10.18384/2310-6794-2020-4-10-22

12. Avdeev D.A. et al. *Uchastie obshchestvennosti v upravlenii gosudarstvom v stranah BRIKS: monografija* [Public Participation in Governance in the BRICS Countries. A Monograph]. Tyumen, Izd-vo Tyumen. gos. un-ta, 2019. 288 p.

13. Amankwah A.H. *Constitutions and Bills of Rights in Third World Nations: Issues of Form and Content. The Comparative and International Law Journal of Southern Africa*, 1988, vol. 21, no. 2, pp. 190-211.

Information About the Author

Igor B. Grigoriev, Judge, Volgograd Regional Court, Prosp. Lenina, 8, 400066 Volgograd, Russian Federation; Postgraduate Student, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, igor301030@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1837-108X>

Информация об авторе

Игорь Борисович Григорьев, судья, Волгоградский областной суд, просп. Ленина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация; аспирант кафедры конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет, Университетский просп., 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, igor301030@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1837-108X>